

«МОНПАРНАС»

Авинкин Егор Дмитриевич родился в 1986 году, живёт в Санкт-Петербурге. В 2008 году окончил филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, работал переводчиком (английский язык). Пишет рассказы с 2011 года, некоторые из них были опубликованы в журналах «Новая Литература», «Вокзал», «Второй Петербург». Рассказ «Квартира» занял 3-е место в международном конкурсе «Созвездие духовности» в 2017 году.

А началось всё с того, что в офисе закончилась бумага для принтера. Разумеется, Маша забыла заказать, она постоянно забывает. Потому что вечно хихикает над чем-то в своём телефоне. А мне срочно отчёт нужно было напечатать. Маша надудалась, когда я на неё прикрикнул, и с ледяным выражением лица стала звонить, бумагу заказывать. Доставка только на завтра, сегодня все курьеры уже заняты. Ну и чёрт с тобой, думаю. Погуглил канцелярские магазины в округе – и точно, в четырёхстах метрах от офиса есть один. Не сетевой, как обычно. Называется «Монпарнас». Я накинул пальто и побежал. Так быстрее получится, бумага-то сегодня нужна.

Когда я уже вышел во двор, вдруг подумал – а что это я сам побежал? Надо было Машу отправить, а то несолидно получается. Жена на меня постоянно ругается – мол, не умею себя поставить. А потом я огляделся, вдохнул воздуха побольше и зашагал. Бог с ним, погода такая хорошая, можно и прогуляться. И даже пальто можно было не надевать.

Офис наш находится на Петроградке, в самом тихом её уголке. Небольшой трёхэтажный особняк, в котором в советское время размещалось какое-то учреждение – на фасаде ещё сохранилась вывеска, нагромождение из слов «лен», «пром», «снаб» и так далее – теперь он постепенно переходил в аренду малому и среднему бизнесу. Я и рад, что мы не обосновались в каком-нибудь серо-стеклянном бизнес-центре, там было бы тоскливо. Да и район мне нравится.

Петроградка в самом деле необычное место. Вроде бы всю жизнь в городе живу, везде бывал и всё знаю (по крайней мере, в

центре), и только на Петроградке, в этом её лабиринте, наткнёшься на неизвестную улочку. Где тут только ни гулял, и ребёнком, и студентом, и взрослым, солидным дяденькой, а всё равно это продолжает происходить. Вот и сейчас. Я вышел со двора на улицу и огляделся. Справа находится метро, а слева – неплохой рестораник. Я там обычно обедаю и слушаю громоханы составов из соседнего трамвайного парка. Эти направления я знаю. Но идти мне нужно не туда, а на север, обогнув офис. И я понял, что никогда там не был. Проложил маршрут на гугл-картах и пошёл. Канцелярский магазин «Монпарнас» – красивое название. Что-то волшебное в нём есть.

И погода на улице волшебная. После прохладного и пасмурного, типично питерского лета – вдруг такой мягкий сентябрь. Температура, конечно, не летняя. Зато бархатное солнце и чистое, точно блюдо из голубого фарфора, небо. Низкие облака не давят, дышится легко, и от этого даже самая потаённая тоска уходит. Выдыхается из лёгких и растворяется в ветерке. Жизнерадостная осень.

Шёл по тротуару, под зелёными ещё деревьями. Полы расстёгнутого пальто развиваются – не солидно, но красиво, чёрт подери! Прошёл пару перекрёстков. Светофоры тут не в ходу. Свернул направо на нужную улицу. Подошёл к дому. Сверился с картой в телефоне.

Канцелярского магазина не было. Дом был длинный, но я пробежался взглядом по всему первому этажу и не заметил ничего похожего. Я ожидал увидеть некое типичное царство канцелярии – белые стены и стелды, освещённые ядовитым светом, и консультанты в форменных фартуках и с форменными улыбками. Тут ничего подобного не было, даже издалека было понятно. Я всё же решил пройтись вдоль дома, взглянуть в витрины. Вот закрытый ресторан (видимо, недавно прогорел), вот типичный дешёвый продуктовый магазин. А вот какая-то пыльная витрина...

Надо же. Действительно, на стекле облупившимися трафаретными буквами, чуть полукругом, было выведено – «Монпарнас». Кажется, когда безымянный мастер наносил эти буквы, я только в детский сад пошёл. И с тех пор тут ничего не изменилось. Остальная витрина и входная дверь были в том же стиле. Как будто из прошлой жизни.

Дверь звякнула неплотно закреплённым стеклом, а над дверью, как я и ожидал, тускло прозвенел колокольчик. Я ступил со ступеньки на пожелтевший линолеум – на нём виднелись коричневые, точно опалённые огнём, пятна, а где-то он и вовсе был оборван, обнажая цементный пол. Нос наполнился застарелым канцелярским запахом – пыльная бумага, графитная стружка и немного клея «Момент», того, что уже давно не производится. Вдоль одной из стен тя-

нулся прилавок из потемневшей ДСП со вставками из стекла. Этот прилавок, как и весь местный антураж, напомнили мне провинциальные универмаги, куда мы ездили с бабушкой, пока были на даче. В таких магазинах, тихих до торжественности, можно было купить всё, что угодно, от полотенец до резиновых сапог и гримусов. И пока взрослые покупали всё это, дети собирались поглазеть на пластиковых солдатиков и картриджи для Денди, периодически протирая запотевающее от возбуждённого дыхания стекло.

Впрочем, в этом магазине, несмотря на ностальгическую провинциальность, продавались вполне ожидаемые канцтовары – ярких расцветок ручки, хорошие кохиноровские карандаши, аппетитные стиральные резинки и большой выбор детских пеналов с актуальными супергероями. В углу даже стоял отдельный шкафчик с ручками Паркер, хоть он выглядел здесь нелепым артефактом. А на полке у стены, среди тетрадей и рулонов свёрнутого ватмана я заметил пачку бумаги – даже той же марки, что у нас сегодня закончилась.

На звон колокольчика с небольшой поддержкой вышла хозяйка – машинально всплыло именно это слово, уж больно уютный вид у неё был. Домашний свитер крупной вязки, болтающиеся на тесёмке очки и добродушная улыбка, хоть и не лишённая какого-то усталого чувства превосходства. Она походила на школьную учительницу, тоже из забытого времени, как и весь магазин.

– Добрый день, – приветствовала она меня, занимая место за прилавком, – что угодно?

– Здравствуйте, – кивнул я, – мне бы бумага.

– Чистой?

– Чистой, – от неожиданности я протянул это слово, как будто проверяя его на прочность, и добавил: – Для принтера. Формат А4.

– Конечно, – ответила она и скрылась под прилавком. Там что-то стукнуло, потом донеслось:

– Сколько Вам?

– Две пачки.

– Разумеется.

Она показала передо мной, ошутимо шмякнула две пачки бумаги на стеклянный прилавок. Я машинально испугался, не разобьётся ли он, но стекло выдержало.

– Что-нибудь ещё?

– Нет... Можете товарный чек выписать? Мне для офиса.

– Конечно.

Она достала бланк – пожелтевшая, шероховатая бумага – и, надев очки, стала заполнять его, держа наготове синюю печать.

Получив передышку, я бессмысленно огляделся по сторонам и, не успев до конца сформулировать мысль, вдруг спросил:

– А какая ещё бывает бумага, кроме чистой? Грязная?

– Нет, – хозяйка мельком глянула на меня повернув очков, потом вернулась к бланку, – не грязная, конечно. Исписанная.

– Исписанная?.. А, в смысле, книги?

– Нет, ну что Вы, книгами мы не торгуем. Просто исписанная бумага.

– Кхм... – из вежливости я продолжал делать вид, что это самый обыкновенный разговор, – и что же, берут?

– Ещё как. Самый популярный товар у нас. Пожалуйста, Ваш товарный чек.

Скомкав, я засунул его в карман пальто.

– Простите... А можно посмотреть? Кажется, я не очень понимаю, что Вы имеете в виду.

– Конечно, секундочку, – женщина оглядела внутренности прилавка и присела, заметив то, что искала, – вот, спецзаказ. На днях должны забрать. Но можете аккуратно взглянуть.

На прилавок легла зелёная тетрадка, 18 листов. «Тетрада для работ по русскому языку ученика ба класса» и так далее. Фамилия ученика была выведена неразборчиво, я так и представил натужно дышащего толстого шестиклассника, старательно водящего ручкой по обложке.

– Это что?

Я открыл тетрадь. Внутри тем же угловатым почерком были записаны упражнения по русскому – чередование гласных в корне слова, подлежащие и сказуемые, подчёркнутые, соответственно, одиночной и двойной чертой. Ну и конечно, окончания глаголов «тс-тьс» – «этот урок Маша точно прогуляла», – мелькнула неуместная мысль.

Это была обычная тетрадь какого-то школьника, не отличника, но и не двоечника, судя по встречающимся то тут, то там ярко-красным, как будто до сих пор свежим, оценкам.

– Глупость какая-то, – сказал я, – кому это может быть нужно?

Хозяйка усмехнулась:

– Как видите, кому-то нужно.

Она убрала тетрадку обратно, а затем впервые посмотрела на меня сквозь очки.

– Может, и для Вас что-нибудь подберём.

Она ушла в подсобку, погромычала там коробками и, вернувшись, протянула мне листок.

– Взгляните.

Это был немного мятый двойной листок в клетку, вырванный из тетради. Сверху значилось Сочинение, а ниже, в кривоватых кавычках – «Как я провёл лето». В верхнем углу была написана фамилия ученика 5б класса, автора сочинения. Моя фамилия.

И сочинение тоже было моим. Не то, чтобы я его помнил, но я моментально узнал свой неряшливый почерк, за который меня так ругала наша училка по русскому, Ольга Николаевна.

Я стал судорожно вчитываться в текст. Буквы скакали и наседали друг на друга в моих глазах, и из их мельтешения на меня вдруг пахнуло летом. Пряным сеном, в котором мы с пацанами прятались от дождя, тиной из реки, куски которой мы подцепляли палкой и бегали друг за другом, крича «Сифа, сифа!». За запахом пришли и другие ощущения. Скрип тарзанки на ветке. Стрёмко куска картона в бешено крутящихся спицах велосипеда. Холод речной воды, когда вонзаешься в неё, спрыгнув с высокого моста. Уже усталое жужжание мухи,

бьющейся в стекло солнечной веранды – я смотрю на неё и слышу, что бабушка плачет. «Бабуля, что случилось?», – испуганно и недоверчиво спрашиваю я, а бабушка отвечает: «По радио сказали, один очень хороший поэт умер, в Америке», а я смотрю на лето, наседающее со всех сторон на нашу дачу, и не понимаю, как можно умереть в такой замечательный день.

– Господи... Что это? Откуда это у Вас? – мой голос задрожал.

– Вот видите, – с пониманием смотрит на меня хозяйка, – будете брать?

– Я... Я не знаю... И у Вас ещё что-то есть?

– Конечно. У нас много бумаги. И можно найти всё что угодно.

– Подождите... А для чего Вам это? – я вдруг насторожился, – Вы что, кого-то шантажируете этим?

Хозяйка так искренне прыснула, что мне стало неловко за себя.

– Да чем же? Школьными тетрадками? Мысль о шантаже ненадолго вернула мне равновесие, но теперь, лишившись её, я снова был в пустоте и недоумении.

– Хорошо... Что у Вас ещё есть?

Она молча ушла в подсобку, провела там минут пять и по возвращении вручила мне ещё один лист бумаги. Судя по виду, когда-то он был смят в комок, и только недавно разглажен.

Пробежавшись по первым строкам, я густо покраснел. Разумеется, я знал, кто скомкал этот листок. Я начал писать это стихотворение, будучи влюблённым девятиклассником, и даже не смог его закончить. Отсутствие таланта было очевидным даже для меня, в том состоянии. Сейчас же мне было непонятно, как я посмел дойти аж до второго четверостишия. И руки пронзил рефлекс – опять скомкать и опять бросить в угол.

– Ну-ну, это Вы бросьте, – ласково разжала мои пальцы хозяйка, – не надо товар портить.

Кривые, дрожащие строчки, с расплывающимися пятнами – вызванными, скорее всего, романтическими слезами – в последний раз мелькнули перед глазами, оставив после себя трогательную нежность по отношению к тому одинокому и влюблённому человеку на холодных улицах. Одноклассница, в которую я был тайно влюблён, так и не получила моего послания.

– Интересно, – задумчиво произнёс я, – а ведь она тоже что-то писала?

– Все мы что-то пишем, – пожалала плечами хозяйка и, не дав мне ответить, добавила: – Раз уж Вы интересуетесь одноклассниками, кажется, там что-то мелькнуло... Секундочку.

Спустя несколько минут я держал в руках реферат по истории. В имени на первой странице я узнал своего одноклассника, Вадима. А через секунду вспомнил и сам реферат.

Он был написан не на двойных листочках, а на хорошей бумаге – я думаю, она бы подошла и для нашего принтера. Посвящён реферат был Ивану Грозному. И на первой странице, используемой как обложка, красовался яркий, мастерски написанный портрет царя. Вадим нарисовал его сам. А рядом с портретом красными чернилами была выведена оценка – единица. Кол.

Я вспомнил эту историю. Не так уж часто у нас ставили единицы. Двойки были больше распространены. А для единицы надо было совершить что-то из ряда вон выходящее. По мнению исторички, Вадим тогда совершил именно это. Она швырнула этот реферат ему на парту и громко, словно выступая на митинге, произнесла: «Бездарность!»

Бог его знает, что там было не так с этим рефератом. Вадим всегда был двоечником. И даже сейчас я не смог бы оценить его работу – потому что не мог наглядеться на нарисованного Ивана Грозного. Он был яркий и аляповатый, но в нём была жизнь. И изо всех своих жизненных сил он пытался отвернуться от этой единицы. Даже он понимал, что не заслуживает её.

Вадим прекрасно рисовал. Потом перестал. Уже очень давно его не видел. Говорили, дела у него не очень. На последней встрече выпускников промелькнуло некрасивое слово «спился».

«Надо бы его повидать», – подумал я, а вслух произнёс:

– Это я тоже возьму.

– Прекрасное решение, – кивнула хозяйка.

– Послушайте... Я не понимаю. Как это возможно?

Она вздохнула:

– Помните, как там у классика – рукописи не горят? Они действительно не горят. И нигде не пропадают. Бумага хранит в себе всё. В течение жизни мы все пишем что-то. Мы оставляем повсюду свои отпечатки на бумаге. Они изображают нас, какими мы были тогда. И при этом они живые, потому что всё ещё составляют часть нас. Когда мы пишем на бумаге, мы оставляем на ней свою душу. А душа не может исчезнуть, она ведь бессмертна. А вместе с ней бессмертна и бумага, на которой она хранится. Понимаете?

Я вернулся в офис. Отдал пачки бумаги Маше. Она невозмутимо загрузила бумагу в принтер. И я продолжил работу. Распечатал два экземпляра договора, каждый на двенадцати страницах. Два акта приёмки услуг. Соглашение на обработку данных. Счёт-фактуру. Аналитический отчёт для директора на шести страницах. Ещё один договор, для другого клиента. И так далее, и так далее...

Вечером, уже дома, за ужином я показал своё школьное сочинение жене. Она рассмеялась и поцеловала меня.

– Откуда у тебя этот раритет?

– Да так... Нашёл.

Ночью, слушая дыхание спящей жены, я вдруг вспомнил, как писал ей письмо из армии. Тогда она была просто девушкой, которую я любил. В этот раз обошлось без поэзии, но я прекрасно помнил, что писал ей о своей любви, и довольно вдохновенно. К сожалению, письмо не дошло до неё. Затерялось где-то в недрах почтовой службы, стинуло в пустоте. Но ведь где-то оно должно было сохраниться?

Пожалуй, завтра опять зайду в канцелярский магазин.

